

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

книги

Франка Тилье

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Монреальский синдром

Гатака

Атомка

Головоломка

ФРАНК ТИЛЬЕ

МЕДОВЫЙ ТРАУР

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Т 40

Franck Thilliez
DEUILS DE MIEL

Copyright © Editions Pocket, un département de Univers Poche

Перевод с французского Александры Васильковой

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-13180-4

© А. Н. Василькова, перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Моей сестре Дельфине

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Год... После несчастного случая прошел год.

Я на минуту отвлекся. На секунду. И даже меньше того. На долю секунды. Обочина шоссе. Лопнувшая шина. Я наклоняюсь, достаю закатившийся под машину болт. Распрямляюсь. Слишком поздно. Моя жена бежит по дороге, тащит за собой дочку. Откуда-то появляется машина, она мчится очень быстро. Синяя. Как сейчас вижу этот слишком яркий синий цвет. С воплем бросаюсь вперед. Шины взвизгнули на мокром асфальте. И больше ничего...

В один прекрасный день снова начинаешь жить.

А завтра все рушится.

Прямо напротив меня вдоль городских укреплений Сен-Мало неспешно прогуливается субъект с непокрытой головой, ветерок треплет его волосы, пылающий закат румянит щеки.

Это он, я узнал его, у меня ни тени сомнения. Франция недостаточно велика — надо же мне было в последний день отпуска на него напороться. На того, кто отнял у них жизнь.

Тот самый водила.

Увидел его — и во мне что-то оборвалось. Нестерпимая боль...

А ведь я думал — ей, моей Сюзанне, стало лучше после того, как ее шесть лет глушили лекарствами. Она перестала кричать по ночам, — казалось, все, что ей пришлось

пережить во время похищения¹, понемногу отступает, казалось, она снова научилась улыбаться, заново освоилась с простейшими повседневными делами. Она уже сама умывалась, одевалась, понемногу занималась нашей дочкой Элоизой... Конечно, прежней, такой же решительной и отважной, как была, она уже не стала; иногда Сюзанна отдалялась, уходила, утрачивала всякую связь с реальностью — и тогда во всем зависела от других. Она постоянно балансировала на грани безумия, но я замечал по ее глазам, что она возвращается, что жажда жизни в ней сильнее желания уйти. Сюзанна... Почему ты бросилась бежать через дорогу вместе с нашей девочкой? Что за бес в тебя вселился тем несчастным осенним утром?

Я сотни и сотни раз прокручивал в голове эти вопросы. Книга, которой никогда не закрыть... Этот человек, Шартре — его зовут Патрик Шартре, — прислоняется к старым камням и вытаскивает мобильник. Потом вдруг оглядывается. Я отворачиваюсь и притворяюсь, будто внезапно залюбовался пейзажем. Море спокойное, корабли мирно дремлют. Не знаю, как быть. Ненависть нарастает, обжигает горло, я чувствую, что могу что-нибудь натворить. Кулаки у меня сами собой сжимаются, а Шартре тем временем заваливается в модный бар. Когда он скрывается с глаз, мне становится легче. Я мог бы уйти своей дорогой, забыть о нем. Тогда почему же я решил его дожидаться, стою и смолю одну за другой? Недобрый знак...

На лбу выступил пот, ладони взмокли, я нервно тереблю бумажник, то раскрывая его, то закрывая. Там снова лежит карточка с трехцветной полосой, служебное удостоверение полицейского. Я вернулся в профессию после долгих лет, проведенных вдалеке от «земли» и ловли преступников. Покинул север с его низко нависшим небом

¹ См.: «Адский поезд для Красного Ангела». — *Примеч. авт.*

и слишком мучительными воспоминаниями и вернулся к Большому Спруту с его забытыми улицами, в сумасшедший дом под номером 36, к прежней жизни. Леклерк, мой начальник, за последние полгода не раз подвергал меня испытаниям, и я выдержал все. Мартен считает, что имеет дело с тем комиссаром, которого знал когда-то, все таким же яростным в бою. Пожалуй, он прав. Никогда еще эта ярость не была такой безудержной...

Наконец этот богатый торгаш, такой эlegantный в своем дорогом костюме, выходит из бара. Останавливается, втягивает носом насыщенный йодом воздух, поправляет воротничок фирменной рубашки, потом двигается дальше. На меня обрушиваются нестерпимые воспоминания. Его победный вид во время процесса. Его фальшивое сочувствие. Эти крокодиловы слезы. Превышение скорости на тридцать километров, две украденные жизни — и такое легкое наказание! Тогда меня удержали, не дали убить его своими руками. Теперь удерживать некому. Я прибавляю шаг, приближаюсь к нему...

Несомненно, самой большой его ошибкой было свернуть в безлюдную улицу. Его тело смято натиском моего гнева, а у меня в голове не смолкают крики моих любимых... Еще и еще... Я поднимаюсь, меня колотит дрожь, глаза налиты кровью и залиты потом, но в темноте этого не видно...

Что я наделал?

Срываюсь с места и бегу к своей машине. Включаю зажигание. Поворачиваю ручку громкости радио до отказа. Выезжаю на шоссе... Как странно, я не испытываю облегчения... ни малейшего... Руки на руле сильно дрожат.

Под усыпанным звездами небом еду от океанской прохлады к раскаленному горнилу столицы. Тиски жары не разжимаются и по ночам, ветерок не устаивает нас даже слабым дуновением. Я молча страдаю, я — сплошной

ожог... Жестянка на колесах, служащая мне средством передвижения, ворчит, но везет куда надо...

Аи-ле-Роз... Мой дом с его горьким, едким одиночеством...

Там, на третьем этаже, плывут мерзкие ленты марихуаны. Мой сосед по площадке, растаман-одиночка, нашел короткий и рискованный путь к утраченному гвианскому изобилию. Мы с его бабушкой были большими друзьями, но и она, толстуха в необъятных ярких нарядах, тоже погибла при ужасных обстоятельствах.

Красный ангел бесповоротно разрушил мою жизнь, истребив тех, кого я любил.

Сегодня в голове у меня засело одно-единственное слово. *Преследование*. Раз уж я оказался в шкуре полицейского, воспользуюсь этим, чтобы преследовать их всех, гнаться по пятам, травить одного за другим. Прихлопнуть такого, будто комара, услышать, как треснет под моей подошвой его черепушка.

Железная дорога развернулась на полу моей спальни, дотянувшись до самого порога столовой. Миниатюрные паровозы и электровозы только и ждут осторожного прикосновения, чтобы покатить вагоны по рельсам. Перед тем как лечь, запускаю два поезда. Несмотря на оросившие мою жизнь багровые реки, остается один страх, которого я преодолеть не могу: я боюсь тишины... Снотворное начинает действовать, и я под скрежет шатунов медленно погружаюсь в сон. Передо мной в последний раз мелькает лицо Шартре с кровавым пузырем на губах...

Поздним утром меня вытаскивает из постели телефонный звонок. Из отпуска я, вообще-то, выхожу только завтра, но оставленное на автоответчике сообщение меняет расклад. Шеф просит пойти в какую-то церковь: священник обнаружил там, на скамеечке в исповедальне, мерт-

вую женщину — голую, голова и лобок выбриты начисто. Я загораюсь, и огонь этот опасен.

Выключаю раскаленный блок питания, к которому подсоединена моя железнодорожная сеть, измученные ночной гонкой локомотивы через силу проползают последние метры — и в это самое мгновение человек... все человеческое во мне впадает в спячку. А пробуждается — полицейский.

Преследование.

Я снова травлю зверя...

ГЛАВА ВТОРАЯ

После несчастья с моими любимыми я ни разу не входил в храм, и стоило мне из полуденного пекла нырнуть в церковь Исси-ле-Мулино, как рана внутри, уже было затянувшаяся, снова открылась. Я, как наяву, увидел перед собой, в середине прохода между слишком жесткими скамьями с непреклонными спинками, два гроба — один такой маленький, что по церкви прокатилась волна приглушенных рыданий... Здесь даже каменные стены были пропитаны моим горем.

Кто-то на бегу поздоровался. Мой начальник, окружной полицейский комиссар Мартен Леклерк, спеша к выходу с орущим мобильником в руке, покосился на мои коротко остриженные волосы и прибавил:

— Дальше разбирайся сам! Прокурор Келли дает зеленый свет, можно забирать тело и делать вскрытие! Чуть позже поговорим, определимся.

Я кивнул и направился туда, где толпились люди и откуда доносились громкие голоса и щелчки фотоаппаратов. Прямо передо мной плакал, который век терпя муки, распятый Иисус. На пороге исповедальни, что расположена слева, виднелись армейские ботинки судмедэксперта.

Ко мне двинулся лейтенант Сиберски, вид у него, как всегда в неудачные дни, был серьезный.

— Привет, комиссар, — без улыбки проговорил он. — Первый день после отпуска мог бы начаться и повеселее...

Голос его звучал не слишком уверенно.

— Выкладывай!

— Значит, так. Дверь слева за алтарем была взломана гвоздодером, по словам священника — уже второй раз за последние три месяца, в первый обошлось без последствий. Отпечатков пальцев везде видимо-невидимо. Расследование вблизи места преступления начато, инспекторы сейчас опрашивают жителей соседних домов.

— Расскажи, что известно о жертве.

— Белая женщина лет пятидесяти. Никаких видимых повреждений или следов насилия. Щиколотки и сейчас еще связаны, но руки были свободны, и веревка валялась на полу, глаза залеплены клейкой лентой. Священник нашел тело сегодня в восемь тридцать пять утра в исповедальне, в отделении для кающихся. Жертва стояла на коленях, обритая голова покрыта... бабочками.

Я наморщил лоб:

— Бабочками? Мертвыми?

— Живыми. Семь крупных бабочек с длинными усиками, на туловище такой рисунок... в виде черепа. Когда их попытались накрыть сачком, они... запищали. Совершенно кошмарный звук.

— Где они сейчас?

— Отправили в лабораторию. Под ультрафиолетовой лампой на голове жертвы проявились не различимые простым глазом белесые пятна, возможно и объясняющие присутствие этих тварей. За подробностями к энтомологу...

— Так-так-так... Голое тело, щиколотки связаны, руки свободны. На голове насекомые. И все это в церкви. Ничего не скажешь, случай классический!

— Да уж, самый что ни на есть классический... Ладно, слушайте дальше про исповедальню: центральная часть, та, где сидит кюре, была открыта, хотя вчера ее в таком виде не оставляли. Обнаружив тело, священник немед-

ленно обратился в полицию Исси, они прибыли через пятнадцать минут, а следом за ними наши сотрудники.

Судмедэксперт выбрался из кабинки для исповеди. Ван де Вельд выглядел настоящим военным, только ко всему еще и умным. Костюм цвета хаки, с математической точностью выверенная щетина и красивое, лишенное всякого выражения, словно высеченное из камня, лицо.

— Ну что, комиссар, хотите взглянуть и послушать?

Мы обменялись рукопожатием, и он подвел меня к исповедальне. Я увидел труп со спины — тяжелая грудa безжизненной плоти. Лысая голова и предплечья упирались в скамеечку для молитвы, указательный палец сжатой в кулак правой руки торчал в сторону. Гладкая кожа черепа блестела в свете переносной галогеновой лампы.

Ван де Вельд протиснулся обратно в кабинку:

— Тело можно забирать. Без вскрытия причину смерти установить невозможно. Ни кровоподтеков, ни ран. Никаких выделений из носа или рта, позволяющих предположить смерть от асфиксии. Лицо не синюшное, точечные кровоизлияния отсутствуют, так что на первый взгляд ее не задушили.

Стоя сзади, я с непонятым стороннему наблюдателю увлечением изучал эту человеческую плоть. Миниатюрные поезда и душевные болячки были забыты. Бесчувственная машина Шарко набирала ход, я готов был вкалывать без отдыха.

— Половые сношения?

— Опять-таки на первый взгляд — не было. Зато было другое: убитая потеряла огромное количество жидкости. Эти разводы на полу и на скамеечке — следы обильного потоотделения.

— Если не ошибаюсь, после смерти люди не потеют?

— Не ошибаетесь. Поскольку тело не перемещали, можно утверждать, что женщину привели сюда живой.

Она умерла в этой исповедальне, но я не могу понять от чего, и это меня бесит!

— Вы позволите?

Он уступил мне место в тесном закутке. Бровей убитой тоже не оставили, как и волос под мышками и на лобке.

— Клейкую ленту с глаз убрали криминалисты?

— Да. Веки были заклеены изолянтной. Увидите на фотографиях.

Я старался проследить взглядом, куда указывает мертвый палец, а Ван де Вельд тем временем продолжал:

— Зубы здоровые, ухоженные, тело чистое, ногти длинные, в том числе и на ногах. Четыре ногтя на правой руке сломаны или сорваны. Это может свидетельствовать о насильственном... и продолжительном заточении...

Я наклонился над скамеечкой для молитвы, принялся.

— Да, — труполог меня опередил, — чувствуется запах духов или крема, нанесенного на всю поверхность кожи, даже на голове. Во рту и в уголках губ я обнаружил следы темного сладкого вещества, — возможно, меда. Должно быть, это и удерживало бабочек. Анализы крови и содержимого желудка подтвердят...

Беспощадный свет галогеновой лампы резал глаза. Чем больше сведений я получал, тем большее испытывал смятение.

От чего умерла эта женщина?

— Время смерти удалось определить?

— Судя по трупному окоченению и ректальной температуре, я бы сказал — глубокой ночью, между двумя и четырьмя часами... Вскрытие покажет точнее...

Ван де Вельд стянул резиновые перчатки, закрыл тяжелый, набитый режущими инструментами чемодан-

чик и только после этого выхлебал разом полбутылки воды.

Я повернулся к светловолосому лейтенанту:

— Щиколотки оставили связанными, зато руки намеренно освободили, и правая указывает пальцем на эту часть исповедальни. Криминалисты ничего там не заметили, снимая отпечатки?

— Насколько я знаю, нет. Не нашли ни отпечатков, ни каких-либо меток.

Я распорядился увезти тело в Институт судебно-медицинской экспертизы. Как только носильщики вышли, Сиберски, сунув руки в карманы джинсов, спросил:

— Ну что, комиссар? Что вы об этом думаете?

— Пока я главным образом задаю себе вопросы. Почему привели сюда? Почему живую? Почему она голая и бритая?

Молодой лейтенант поделился со мной своими впечатлениями по горячим следам:

— Жертва находилась в кабинке для исповеди. Дверь в центральную часть исповедальни была открыта, значит убийца сел на место священника. Стало быть, все в этой мизансцене указывает на ритуал исповеди. По одну сторону окошка — коленопреклоненный грешник, по другую — духовник.

— С той разницей, что наша грешница пришла не по своей воле.

— Это ясно! Ей связали руки и ноги, это доказывает, что ее каким-то способом вынудили подчиниться, возможно применив физическое воздействие, тогда, наверное, от усилий освободиться она и обливалась потом... но, возможно, воздействие было только вербальным.

— Что-нибудь в духе «Говори, покайся в совершенных тобой грехах, и Господь тебя простит...».

— Вот именно. А что касается ее наготы... Разве видеть перед собой голую связанную женщину, стоящую на коленях и молящую о прощении, — не высший символ господства, отношений между хозяином и рабыней?

Я прищурился.

— Конечно, могло быть и так, но... — Я обвел руками пространство. — Оглянись вокруг. Церковь образует монолит, и предназначение у нее одно: молитва, самопожертвование, вера. Видишь ли, я мало что понимаю в религии и Библию-то едва прочел, но знаю, что в Книге Бытия Адам и Ева изображены нагими, такими же голыми, как наша потерпевшая. Чистота первых дней... Изначальная нагота всех творений Господа...

Сибирски странно присвистнул:

— Ничего себе! К чему это вы клоните?

— Всего лишь к тому, что действия преступника можно объяснить, изучив место преступления. Может быть, он побрил и раздел жертву не для того, чтобы осуществить какой-то свой фантазм, а совсем с другой целью. Может быть, он решил привести ее сюда, чтобы подготовить к... некоему обряду. Может быть, он хотел предать ее Божьему суду в первоизданном виде, в полной наготе, которая уравнивает всех людей? — Я разглядывал находившийся у меня перед глазами большой витраж. — То есть я хочу сказать, что не надо все сводить к садизму, к фантазмам сексуальных извращенцев. Некоторые стремятся к более... продуманной цели.

— Такой же продуманной, как присутствие этих странных бабочек. Зачем понадобились эти мерзкие твари?

Я пожал плечами:

— Не имею ни малейшего понятия. Что чаще всего повторяют, если речь заходит о бабочках? Что они символизируют собой красоту, возрождение, преображение, которое совершается, когда они выходят из куколки.

— Угу. Похоже, мы имеем дело с поклонником «Молчания ягнят»...¹ С совершенно свихнувшимся типом, с одержимым.

— Одержимый он или нет, но самообладание у него завидное. Здесь все взвешенно — достаточно посмотреть на положение тела женщины, и не забудь о наличии меда, запаха, бабочек. Судя по всему, этот тип совершил преступление хладнокровно, не поддаваясь никаким неосознанным побуждениям, потому и не допустил ошибок.

— Значит, он заранее и тщательно готовился. Знал, где что находится, знал, как попасть внутрь... Возможно, он усердно посещает воскресную мессу... — Сиберски сделал паузу, чтобы отметить в блокноте эту линию расследования, затем продолжил: — Он привел в надлежащий вид свою добычу, которую уже не первый день держал в заточении, вымыл ее, побрил, надушил. Он раздобыл этих насекомых. И начал действовать. Исповедаल्या, глубокая ночь...

Я снова подошел к кабинке и стал развивать мысль Сиберски дальше:

— Совершив убийство (каким способом — нам пока неизвестно), он развязал руки кающейся грешницы, чтобы расположить правую кисть определенным образом. Указательный палец убитой явно задает нам направление.

— Но ведь эксперт уже проверил... И я тоже... На деревянных панелях ничего особенного нет...

— Придется поискать еще. К нам обращается не жертва, а ее убийца. И этой мрази явно есть что сказать.

Я снова, согнувшись, с трудом втиснулся в душную кабинку. На той стенке, на которую показывал палец, рассмотрел царапины, обнаружил несколько вмятин, но

¹ В фильме Джонатана Демми «Молчание ягнят» маньяк-убийца кладет в рот своим жертвам куколку «мертвой головы». — *Здесь и далее примеч. перев.*

больше ничего. Я даже постучал в разных местах по гладкому дереву, но изменений звука не уловил.

— Черт! Но должно же это что-то означать! А может, оно за пределами исповедальни? Тогда... тогда, получается, она указывает на... вот этот ряд колонн и в самом конце... на вот эту часть стены.

— Я не стал вас дожидаться и все это уже осмотрел, — оборвал меня Сиберски. — И пол, и колонны, и стену... Там тоже нет ничего необычного, никаких надписей или странных отметин. Может быть, стоит поговорить со священником...

— Минутку...

Я бродил среди изумлявших своим совершенством украшений, пораженный великолепием архитектуры. Я ощупывал древние камни. Ничего не увидев там, куда указывал мертвый палец, расширил зону поисков. Скамьи, неф, резьба... Неудача, снова и снова неудачи. Убийца обращался к нам, а мы отказывались его выслушать.

— До чего же мне это не нравится!

Я в последний раз пристально взгляделся — и в последний раз меня постигло разочарование.

— Все, я возвращаюсь в контору, Леклерк меня ждет. Кто опрашивает ближайших соседей?

— Кромбез, с ним еще пятеро или шестеро.

— А кому поручено записать показания священника?

— Официально — мне, и я уже чертовски опаздываю.

— Надо выделить кого-то, чтобы обшарил всю церковь. И если понадобится заглянуть под юбку Пресвятой Деве, значит залезем под юбку Пресвятой Деве! — Приблизившись к задней двери, поперек которой была натянута желтая лента, я спросил: — Ты вроде упомянул, что эту дверь уже взламывали три месяца назад? Хоть какие-то подробности известны?

— Да. Дело было в конце апреля. Священник думает, что ее взломали цыгане, которые в то время стояли табором в двух шагах от церкви.

— И что они украли?

— Ничего, просто зашли ночью в церковь...

Я недоверчиво потербил бородку:

— Странно для цыган. Видишь ли, я достаточно много с ними общался и могу тебя заверить, что заходить в церковь у них не в обычае.

— Знаю. Ко всему еще в то время здесь, скорее всего, было полным-полно всякого оборудования типа электрогенераторов: свод и некоторые колонны растрескались, так что часть здания реставрировали...

Я резко остановился.

— Третье измерение! Ты мог бы сообразить! Вертикаль!

— Что?

Но я уже вернулся в центр нефа и, задрав голову, всматривался ввысь. Под каменным сводом, образуя сетку теней, скрещивались ряды легких арок.

— Ищи! Ищи вместе со мной на арках!

— На арках? Но как бы он смог туда забраться?

— Так же, как рабочие! Воспользовавшись их лесами!

У меня внезапно сжалось сердце.

— Вот она, посмотри наверх! Вот же — трещина! Жертва указывала на эту колонну! Ее верхнюю часть реставрировали! Искать надо не внизу, а наверху!

Вытянув руку и не отрывая взгляда от верха колонны, я крикнул напоследок:

— Готовься к встрече с Иисусом! Сегодня мы поднимемся в небеса!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Знаешь, нам было так больно... Элоиза все время плакала, она и теперь плачет.

Знаю, милая, знаю. Скажи Элоизе, что я люблю ее, скажи ей, что она должна быть сильной.

Она скучает по тебе, здесь ничего нет. Она повсюду тебя ищет. Она не понимает, почему тебя нет рядом. И мне приходится все время ей объяснять...

— ...миссар... Комиссар!

Зрачки сузились. Синее небо, красные крыши, я на паперти церкви... Сделав глубокий вдох, я провел рукой по взмокшему лицу и посмотрел на Сиберски, который тыкал пальцем в мой правый ботинок, прожженный тлеющим окурком. Тряхнув ногой, я скинул сигарету и затоптал ее.

— Черт, совсем новые!

Лейтенант дрожал от нетерпения:

— Я нашел послание! Оно на одной из восстановленных колонн! Надо только дождаться эксперта и тележки с подъемной платформой.

Прохладное помещение было наполнено умиротворяющим светом. Сиберски показал мне, куда смотреть, протянул бинокль:

— На самом верху... Отсюда толком не разобрать, но через бинокль я прочитал... Попробуйте сами...

— Что там сказано?

— Трудно объяснить... Но в любом случае от этого дрожь пробирает...

Он показал мне точное место на своде — больше десяти метров от пола.

Я подкрутил бинокль, и передо мной появились вырезанные на камне слова:

За тимпаном Блудницы ты найдешь бездну и ее черные воды. Затем Достойный убьет вторую Половину из двух половин своими нечестивыми руками, и волна делается красной. И тогда бедствие под трубные звуки распространится, и во время потопа ты вернешься сюда, ибо все заключено в свете. Следи за болезнями, а главное — берегись дурного воздуха.

Некоторое время я молчал, и азарт во мне боролся с яростью. Новое дело явно сулило игру в гусёк¹ на местности.

— Мало что понял, — сощурившись, признался я наконец, — но этот текст смахивает на предупреждение или какую-то головоломку, придуманную извращенцем...

— Тем более что он, похоже, написан не вчера, а тогда, когда шли работы. То есть наш убийца начал подготовку больше трех месяцев назад... Сначала он предупреждает... потом действует... Вот уж точно — заранее обдуманый умысел!

— Запиши, что надо найти и допросить рабочих. Странно, что они сами не сообщили об этом послании.

Сибирски сделал пометку в блокноте и предложил:

— Позвоните-ка вы судмедэксперту, попросите его заглянуть в уши жертвы — вдруг «за тимпаном Блудницы» что-то найдется.

Я тут же связался с Ван де Вельдом, который как раз собирался вскрывать тело. Он пообещал перезвонить, как только сможет.

¹ Старинная игра, прародительница всех настольных игр с кубиком и фишками, передвигающимися по игровому полю в соответствии с выпавшим на кубике числом очков.

— Тебе сейчас будет давать показания священник. Прочитай ему эти слова, может, он поймет из них больше, чем мы... Если убийца хочет с нами поговорить... давай его выслушаем... — сказал я лейтенанту.

— Думаете, это религиозный фанатик? — спросил Сиберски. — Один из тех, кто думает, будто убивает во имя Господне?

— Пока рано об этом говорить. Но уже понятно, что мы беремся за долгое и мрачное дело.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В ходе расследования нередко встречаешься с кучей интересных людей. Ученые, психологи, компьютерные маньяки, хирурги...

Из всего этого богатого ассортимента серого вещества я особенно ценил Поля Лежандра, доктора богословия, профессора Парижского свободного факультета протестантской теологии. Вот уж поистине ходячая религиозная энциклопедия: стихи Библии ловит на лету, читает ее запросто, как газету. Мы с ним подружились, когда я расследовал одно грязное дело.

После нескольких безуспешных попыток дозвониться Лежандру я отправил ему с рабочего компьютера письмо с обнаруженным нами текстом. Возможно, эти строки позаимствованы из трудов какого-нибудь мистика или связаны с философским течением, имеющим отношение к религии. Тогда Поль точно сумеет определить, откуда они взяты.

Сибирски тем временем допросил священника, юнца двадцати четырех лет, который ничего внятного из текста выудить не смог. Начало не из лучших.

Откинувшись на спинку старого кожаного кресла, я разминал плечи и шею.

Через этот холодный серый кабинет прошли самые страшные уголовные дела, какие можно себе представить. Насилие, педофилия, пытки, убийства. Насущный хлеб ребят из уголочки, топливо их ночей, паразит, разруша-

ющий их семьи. Но когда зацепиться в жизни больше не за что, здесь может показаться почти уютно.

После нескольких минут блужданий в путанице неясных мыслей рот у меня наполнился слюной. Ну вот, приехали — руки дрожат, лоб мокрый от пота. Все по новой...

Я вытащил коробочку с крохотными таблетками и через силу проглотил одну: я помнил, что проклятые пилюли сделали с моей женой. Это средство заставляло призраков в ее голове умолкнуть, но вместе с тем отгораживало ее от мира, приводило к медленному печальному отупению. Сегодня настал мой черед. Цена, которую надо заплатить за то, чтобы все наладилось... Я вздрогнул от звонка местного телефона.

Окружной комиссар Леклерк вызвал меня к себе. Даже на расстоянии чувствовалось, что он пылает гневом.

И тут же зазвонил мобильник — Усин Курбеуа, энтомолог, хотел рассказать про бабочек.

— Ты принес мне семь великолепных самцов бражника *Acherontia atropos*, которого чаще называют «сфинкс „мертвая голова“» — из-за довольно страшного рисунка на тораксе.

— Можно предположить, откуда они взялись?

— Эти ночные бабочки все реже и реже встречаются в наших лесах. Твои экземпляры явно выведены в питомнике.

— Ты уверен?

— Еще бы! Жизнь взрослой особи очень коротка, ее продолжительность — от семи до десяти дней, и поймать такое количество бабочек за такой короткий срок, пожалуй, никому не под силу, а все твои экземпляры одного возраста, им по четыре-пять дней. Откуда я это знаю? На стадии гусениц сфинксы создают запасы питательных веществ, позволяющие им во взрослом состоянии обходиться без еды, — так вот, измерив запасы питательных веществ

Тилье Ф.

Т 40 Медовый траур : роман / Франк Тилье ; пер. с фр. А. Васильковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — (Звезды мирового детектива).
ISBN 978-5-389-13180-4

После гибели жены и дочери комиссар Шарко сломлен. Бессонница, раскаяние, скорбь... Работать в таких обстоятельствах практически невозможно. Но новые события заставляют его резко вернуться к реальности: в церкви найдено тело женщины. Над ним летают бабочки. Труп выглядит странно: нигде ни единого волоска, все срито, а внутренние органы словно взорваны. Похоже, убийца — любитель головоломок, готовый причинять жертве муки, рассчитывая их ювелирной точностью. И он явно не собирается останавливаться на достигнутом. Для Шарко это расследование носит особенный, личный характер: оно ведет в глубины человеческой души — души убийцы... и его собственной.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНК ТИЛЬЕ
МЕДОВЫЙ ТРАУР

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Наталья Василькова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Киселева, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.08.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-MBD-21329-05-R